

СТАТЬИ

*Владимир Попов**

Особенности системно-теоретической проблематики власти
в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха

Современные социологические теории власти настолько многочисленны и своеобразны, что любой социолог неизбежно сталкивается с вопросом выбора в пользу той или иной теории¹. Если он хочет осмыслить эмпирические данные исследований власти в обществе на более высоком абстрактно-понятийном уровне и ищет для этой цели подходящую теорию, на первый взгляд может показаться, что сама логика объяснений тех или иных социологических учений о власти определённым образом способствует выбору. В конечном счете, социолог отдаст предпочтение какой-либо теоретической схеме аргументации, одна теоретическая конструкция ему будет представляться более убедительной, чем другая. В то же время его может просто захватить в свой бурлящий водоворот социологический мейнстрим и заставить двигаться в своем русле². Однако эти причины всё же недостаточно объясняют механизм выбора. Может показаться также, что в этот механизм вмешиваются «местные» дисциплинарные конвенции и политические ценности. В любом случае понятие власти – ядро конкурирующих социологических теорий – по-разному определяется и соответствующим образом задает логику исследований, а само это определение и направление исследований может отвечать сложившимся конвенциям и политическим предпочтениям социологов. Именно на это обстоятельство указывал Стивен Льюкс, предложив в 1974 году радикальную теорию власти, которая, по его замыслу, должна преодолеть ограничения господствовавшей в 60-е годы плюралистской теории, связанной с именами Роберта Даля, Питера Бэкрэка и Мортон Бэрэтца³. Однако сам Льюкс в попытке концептуально определить понятие власти основательно увяз в хитросплетениях неомарксистского анализа, так что его первоначальная задача едва ли оказалась выполненной. В итоге он пришел к концептуальному видению власти, насквозь пропитанному неомарксистской парадигмой с её акцентом на идеологическую природу власти, формирующей ложные сиюминутные предпочтения и наносящей непоправимый ущерб реальным интересам подвластных.

Наряду с дисциплинарными конвенциями и теоретическими предпочтениями исследователей, существует, по-видимому, также другое измерение, определяющее выбор в пользу той или иной концепции власти. Речь идет о методологических требованиях,

* Попов Владимир Анатольевич – независимый исследователь.

© Попов В., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

¹ Репрезентативный обзор современных теорий власти дан в книге российского исследователя В. Г. Ледяева (см.: *Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001*).

² Социологический мейнстрим в настоящее время представлен многочисленными исследованиями власти в сетях обмена (*network power*), в рамках которых власть понимается в духе концепций П. Блау, Р. Эмерсона и анализируется главным образом в микроконтекстах социального взаимодействия (см.: *Lucas J., Younts C., Lovaglia M., Markovsky B. Lines of Power in Exchange Networks // Social Forces, Vol. 80, No. 1. (Sep., 2001); Molm L. Coercive Power in Social Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1997* и др.), а также серией исследований «городских политических режимов» (см.: *Stone C. Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989; Stone C. The Atlanta experience re-examined: The link between agenda and regime change // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. No. 1. P. 20-34* и др.).

³ См.: *Lukes S. Power: A Radical View. Basington and London: Macmillan, 1974.*

заложенных в конструкции определенной теории. Их можно представить, например, в виде различных операционных затрат, которые необходимо произвести исследователям. Крупные издержки мало кто хочет принимать на свой счет. Слишком велики риски придти к одинаковым по сути выводам, взяв за методологическую основу сложную теоретическую конструкцию, если схожие результаты могут быть получены меньшими усилиями. Отчасти поэтому среди социологов особой популярностью пользуются концепции власти, основанные на методологии позитивизма. Известный кротолог Бэрри Барнс объясняет склонность исследователей изучать преимущественно индивидуальные и групповые контексты властных отношений тем, что «индивиды больше поддаются научному наблюдению, чем институты и общества... Следствия операций власти более видимы и доступны, чем власть "сама"; "послушание", хотя и не является очевидным понятием, но его легче наблюдать, чем теоретическую сущность власти, которая навязывает послушание. Определять власть в терминах её следствий – значит слишком близко подойти к операционному определению, сделать власть более научным и менее метафизическим концептом и выразить позитивистское предубеждение»⁴.

Ещё одним критерием выбора социолога может быть решение в пользу лучшей «разрешающей способности» той или иной теории власти, предполагающим, правда, уже заранее достаточное знакомство с многообразием теоретических предложений⁵. Лучшая «разрешающая способность» теории означает возможность производить удовлетворительные объяснения на уровне объектов конкурирующих теорий (например, доминирующих позитивистских теорий власти) и в то же время описывать и объяснять факторы и обстоятельства, которые с натяжками объясняются соперничающими концепциями. Это решение, как сказал бы Вебер, производится на основе некоего «идеального типа», в данном случае на основе стремления к универсальной теории: оно отвлекается от мейнстрима, отстраняет в сторону политические пристрастия и принимает более высокие операционные издержки в надежде получить универсальные объясняющие схемы⁶. Идя по этому пути, социолог прежде всего обнаружит, что искомая концепция власти вписана в ту или иную теорию общества. Прежде чем начать рассуждать о власти, социологу придется согласиться с определенными ответами, являющимися ядром любой социологической теории, а именно: что есть общество, из чего оно состоит, что делает возможным социальный порядок⁷. Его взгляд так или иначе остановится на классиках социологии, прежде всего концепции господства Макса Вебера, проникнет вглубь идейного наследия основателя политической социологии Томаса Гоббса и неизбежно окажется в лоне претендующих на универсализм теории действия Толкотта Парсонса, системной теории Никласа Лумана и новейшей теории волюнтаристского действия Рихарда Мюнха⁸. Прежде чем перейти к разбору заявленной нами в названии статьи проблематики власти в работах последних трех социологов, рассмотрим следующие вопросы: какие предметы составляют

⁴ Barnes B. The Nature of Power. Cambridge: Polity, 1988. P. 7 (перевод мой. – В.П.).

⁵ Это уже предполагает минимальное знакомство с основными положениями соперничающих теорий власти и их критическое осмысление.

⁶ Стремление к идеализму в нашем случае присутствует во всех типах выбора той или иной социологической концепции власти. Вопрос в том, что (дисциплинарные конвенции, рациональные соображения по типу затраты / результат, пристрастия к отдельным теоретикам и т.п.) определяет конечную остановку выбора, сместив его в свою плоскость. Операционные издержки означают затраты времени, средств и сил на поиск и усвоение теоретического и эмпирического материала, творческое использование этого материала в аналитической работе и т.п.

⁷ Об особом отношении политической социологии, одним из предметов изучения которой является власть, и общей социологии, включающей в свой состав теорию общества, размышляет А.Ф. Филиппов (см.: Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия. Часть 1 // Полития. 2002. №1. С. 64.).

⁸ К числу новейших социологических теорий, притязующих на универсализм, следует отнести теорию социальных событий А. Филиппова (см.: Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос, 2004. № 5 (44). С. 3-28; применительно к проблематике власти см.: Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Полис. 2005. № 2).

эту проблематику в современном социологическом дискурсе, о чем преимущественно идет речь и в каком аналитическом разрезе.

Претензия на теоретический универсализм означает, что есть также специализированные теории. Попытаемся объяснить, что позволяет определять их как специализированные? Представляется, что есть несколько критериев, самый важный из них, по-видимому, следующий: власть в этих теориях рассматривается как переменная социального взаимодействия вне связи с самой теорией общества в целом. Сама связь в большинстве случаев не отрицается, просто она не находит внятного концептуального выражения в понятийном аппарате этих теорий. По всей видимости, именно данное обстоятельство подвинуло английского кротолога Джона Скотта назвать такие теории «секционными»⁹. Определение «секционный» означает, что внимание исследователя сосредоточено на индивидуальных и групповых контекстах взаимоотношений, в которых одни индивиды или группы доминируют над другими. Теоретическое ядро этих концепций составляет понятие власти Даля «*A* имеет власть над *B* настолько, насколько может заставить *B* делать что-то, что *B* в ином случае не стал бы делать»¹⁰. Как видно, в основу специализированных теорий положено каузальное определение власти, предполагающее «отношение нулевой суммы» между субъектами взаимодействия: если у *A* власть возрастает, то у *B*, *V*, *G*, *D* она убывает.

Если власть в специализированных теориях мыслится «секционно», то что заменяет её отношение к обществу в целом? Наша гипотеза звучит так – недостаток теории общества компенсируют политические ценности исследователей, определяющие в итоге целевую модель отношений власти и общества. Подтверждением этой гипотезы может служить, например, дискуссия вокруг исследования политической власти Даля в американском городе Нью-Хейвен. В книге «Кто правит?», представляющей результаты проведенного исследования, Даль исходит из разделяемой в американском обществе ценности демократического равенства и задается вопросом, кто правит в такой демократии, если ресурсы – богатство, знания, социальные позиции и др. – распределены неравномерно¹¹. Ответ Даля в упрощенном виде звучит так – правят соперничающие между собой местные политические группировки, что свидетельствует о плюралистическом характере распределения власти. Эта модель не подрывает базовые ценности американской демократии. К иным выводам о распределении власти в Нью-Хейвене приходит Билл Домхофф, осуществивший собственное исследование власти в этом городе¹². Домхофф изначально стоял на позициях критической теории, которая по сути камуфлирует ценности политического реформизма. Он установил, что политическая власть в Нью-Хейвене структурно ограничена выражением интересов узких прослоек самых влиятельных бизнес-групп, а это обстоятельство идет вразрез с идеалами демократии. Выводы Домхоффа отражены в главном положении элитистской теории власти, которую в разных модификациях отстаивали в 50-60-е годы Чарльз Райт Миллс и Флойд Хантер¹³. Если

⁹ Scott J. General Commentary // Power / Ed. by J. Scott. V. 1. London: Routledge, 1993. P. 3.

¹⁰ Dahl R. The Concept of Power // Political Power: A Reader in the Theory and Research / Ed. by R. Bell, D. V. Edwards, R. Harrison. N. Y.: Free Press; London: Collier-Macmillan, 1969. P. 80.

¹¹ Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven and London: Yale University Press, 1961. P. 1.

¹² См.: Domhoff G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. New Brunswick (NJ): Transaction Books, 1978. Положения развернутой критики исследования Даля в Нью-Хейвене можно почерпнуть из статьи Ледяев В. Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 31-68.

¹³ См.: Миллс Р. Властвующая элита. Москва: Издательство иностранной литературы, 1959; Hunter F. Community Power Structure. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1953. Представители политического реформизма, к которым можно причислить Миллса, Домхоффа и др., разделяют по умолчанию базовые политические ценности общества, однако считают, что существующие общественные структуры искажают эти ценности. Исходная установка реформистов – общество не есть то, что оно есть, поэтому нуждается в изменении – требует от них раскрытия «порочной» сущности исследуемых ими структур. Отсюда основное внимание уделяется анализу элиты, которой приписывается решающее влияние на ход социальных

обобщить основное содержание дискуссий элитистов и плюралистов, то основную проблематику власти в обществе представители этих направлений видели в вопросах её распределения, исчисления ресурсов и определения структурных диспозиций¹⁴. В концептуальном плане между сторонниками этих течений, а также активно подключившимися к дискуссии в начале 70-х годов неомарксистами происходили продолжительные дебаты вокруг каузального понятия власти¹⁵. Следует ли расценивать власть как определенный потенциал, как способность заставить других делать что-то, или же властью можно называть только актуальное событие, которое реализуется на основе специфической каузальной связи? Нужно ли включать в понятие власти намерения субъектов, или же их намерения не столь существенны для её определения, как, например, полагал Льюкс, утверждая, что власть может быть как намеренной, так и ненамеренной? Что считать преимущественным результатом власти – определенное воздействие на объект или достижение намеченного результата? Предполагает ли осуществление власти неперенный конфликт интересов между властвующими и подвластными? Концептуальные дискуссии по уточнению понятия власти зашли настолько далеко, что немецкий социолог Никлас Луман стал сетовать, что дебаты скорее запутывают, чем дают целостное понимание того, что представляет собой власть в обществе¹⁶.

Первую радикальную попытку преодолеть концептуальные ограничения господствующего дискурса о власти с позиций теории общества как социальной системы предпринял Толкотт Парсонс. Критика Парсонса традиционных подходов содержала следующие положения. Во-первых, эти концепции характеризует расплывчатость понятия власти. Корни концептуальной нечеткости он видел в идущей ещё от Гоббса традиции рассматривать в качестве власти любую обобщенную способность добиваться реализации поставленных целей, независимо от того, какие используются для этого средства, а главное – без решения вопроса о том, насколько уполномочен это делать тот, кто принимает решение и налагает обязательства¹⁷. В результате на теоретическом уровне открывается возможность рассматривать в качестве «форм» власти различные типы влияния и принуждения. Даже использование денег для побуждения действий других в этом случае может включаться в понятие власти. Эти обстоятельства логически препятствуют рассмотрению власти как специфического механизма, производящего изменения в индивидуальных или коллективных действиях. Во-вторых, в традиционных подходах неудовлетворительно решается вопрос соотношения аспектов принуждения и согласия во властных отношениях. Эти аспекты либо рассматриваются как формы власти, либо ставятся в подчинение один другому: власть в итоге опирается или на принуждение или на согласие. В-третьих, традиционные подходы

событий. Заметим, что исследования элитистов и плюралистов 50-70-х годов, представленные значительным объемом публикаций, содержат множество интересных наблюдений о действиях механизмов и рычагов власти в американском обществе. В этом отношении эти исследования, сколь бы ни были противоположны их выводы о распределении власти, развивают традиции, заложенные ещё в трудах Макиавелли, которого прежде всего интересовал вопрос, как государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть (см.: *Макиавелли Н.* Государь. Москва: Эксмо-Пресс, 1998).

¹⁴ Следует отметить важный критический упрек, который озвучил влиятельный американский исследователь Денис Ронг в отношении методологии плюралистов: это не столько общий анализ структуры власти в сообществе, сколько «исследование муниципального управления (government), точнее, формального механизма принятия решений на уровне местной политики и управления, а также социального состава тех, кто в нем участвует» (см.: *Wrong D. H.* Democracy's Power Structure: Who Governs? By Robert A. Dahl. Yale. // *The New Leader*. December 10. 1962. P. 28. Перевод В. Ледяева). Действительно, исследовательская методология плюралистов была прежде всего направлена на идентификацию социального состава тех, кто принимает решения, тех, кто оказывает влияние на принятие решения, а также на выявление процедурных моментов принятия самих решений.

¹⁵ Детальный анализ концептуальных дебатов 50-80-х годов проводится в исследовании В. Ледяева (см.: *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001).

¹⁶ *Luhmann N.* Macht. Stuttgart: Enke Verlag. 1975. S. 1.

¹⁷ *Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Proceedings of the Philosophical Society*, Vol. 107, No. 3. (Jun. 19, 1963), P. 232.

опираются на концепцию «нулевой суммы», которая, по мнению Парсонса, неприменима для социальных систем, обладающих высоким уровнем комплексности¹⁸.

К собственной концепции власти Парсонс пришел, пройдя долгий путь теоретического осмысления человеческого действия и социальной системы. С самого начала Парсонса интересовал базовый вопрос социологии, сформулированный ещё Георгом Зиммелем «Как возможно общество»? Формулируя шире, этот вопрос можно представить так: каким образом оказывается возможным вступление людей во взаимодействия друг с другом и формирование общества? Стало быть, когда мы говорим об обществе, общество уже предполагает определенного рода социальный порядок. Отсюда возникает другой вопрос: на основании чего возможен социальный порядок и какими средствами он может поддерживаться? Можно уточнить его ещё глубже: каким образом оказывается возможной ориентация одних людей на действия других, которые полагаются в своих действиях на подтверждение своих ожиданий посредством действий и ожиданий других людей?

Не имея возможности провести сколь-нибудь углубленную реконструкцию идейной эволюции Парсонса, остановимся на самых существенных моментах в его теоретическом наследии, ведущих нас к пониманию его концепции власти. В своем первом фундаментальном труде 1937 года «Структура социального действия» Парсонс анализировал два вида социального порядка в обществе – позитивистский и идеалистический¹⁹. Позитивизм объясняет человеческое действие как результат достижения цели при помощи определенных средств в заданных условиях. Действие может пойти по пути рационального приспособления (деятель осознает связи между условиями, средствами и целями) или стать результатом естественного отбора (нет достаточного знания о связи между условиями, средствами и целями, поэтому действие может только случайным образом приспособиться к окружающим условиям). Позитивистский порядок оказывается результатом взаимных действий двух деятелей, рассматривающих действия друг друга как внешние условия, к которым им нужно приспособиться. Позитивистский порядок может проявляться в двух формах: как случайный или как вынужденный. Проблема позитивистского порядка известна в социологии под названием «гоббсова проблема»²⁰. Человеческое действие также может объясняться с позиции идеализма. В этом случае действие определяется как следование при определенных условиях идеалам и может принимать одно из двух направлений: следовать общезначимым идеям или выражать конформизм конкретным нормам жизненного мира. Порядок при таком взгляде на человеческое действие возникает из рационального согласования, опирающегося на общезначимые идеи, или из привычек поведения, неосознанно разделяемых в том или ином сообществе. Соответственно, возникают две формы порядка: идеальный, возникающий из рационального оправдания идей, и конформистский, образующийся из внутригруппового нормативного консенсуса²¹. Парсонс

¹⁸ Ibid. P. 232-233.

¹⁹ См. 2 и 3 главы *Parsons T. The Structure of Social Action*. New York: Free Press, 1937.

²⁰ См. детальный анализ «гоббсовой проблемы» социального порядка в работе А. Филиппова (*Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия. Часть 1 // Полития. 2002. №1*). Известно, что в трактовке Гоббса социальный порядок поддерживается извне сувереном. В этом смысле социальный порядок у Гоббса оказывается вынужденным. К случайному порядку, как указывает Парсонс, тяготеют утилитаристские концепции, рассматривающие социальное упорядочивание как результат действий свободных индивидов, исчисляющих свои выгоды и издержки. Однако, как указывает Рихард Мюнх, либеральный порядок также нуждается в средствах принуждения, например, в центральной власти, наблюдающей за соблюдением правил и пресекающей отход от них (см.: *Münch R. Soziologische Theorie. Band 3: Gesellschaftstheorie*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2004. S. 47). Основными признаками позитивистского порядка в социальных действиях, таким образом, являются следующие: оптимизация при реализации различных целей и максимизация при реализации одной цели. Проблематика такого порядка состоит в характере калькуляции, формирующей определенный образец поведения и структуриации внешних условий, ведущих социальные действия в установленном направлении (Ibid. S. 158).

²¹ Основным признаком идеалистического порядка, указывает Мюнх, является ориентация действия на общезначимые идеи или на само собой разумеющиеся нормы. Проблематика этого порядка состоит в негарантированности условий рационального согласования и соблюдения норм (Ibid. S. 159-160).

замечает, что конкретные действия и образующиеся из них порядки являются либо доминированием позитивистских и идеалистических факторов, либо же оказываются специфической смесью обоих. Это приводит его к понятию взаимопроникновения, означающего, что в разных социальных ситуациях оба эти фактора могут влиять друг на друга, смещая результат действия в одну или другую сторону. Отсюда возникает представление о волонтаристском действии, которое является результатом взаимодействия позитивистских и идеалистических факторов. Деятель может учитывать и сопоставлять эти факторы, не идя на поводу исключительно своей корысти, внешнего принуждения, общезначимых идей или безусловного следования нормам. Он сохраняет свою автономию, свою способность сделать выбор в заданной ситуации. Но что же тогда является опорой этой автономии, этой движущей силы индивида? Нормативная ориентация, отвечает Парсонс, и вот по какой причине. Внешнее принуждение, расчет или чувства солидарности образуют лишь кратковременный порядок, если нет каких-то дополнительных источников его подкрепления. Долгосрочность порядку придает только ценностный консенсус, который консенсус никак не препятствует свободной воле индивида в выборе между различными ориентациями. Между свободой воли и базовыми ценностями, стоящими за самим выбором автономного индивида, полагает Парсонс, существуют комплементарные отношения. Волонтаристский порядок, таким образом, возникает в социальных действиях на базе автономии индивида, ядро которой составляет нормативная ориентация²².

Зафиксируем склонность Парсонса к решению проблемы социального порядка в конечном счете на основе нормативного контроля. Следующий решительный шаг в эволюции теории действия Парсонс делает в вышедших в свет в 1951 году работах «Социальная система» и «К общей теории действия»²³. Действие теперь определяется в ином плане. Оно происходит в ситуации, в которой деятель ориентируется на социальные, культурные, физические и органические объекты. Эта ориентация определяется на базе трех различных систем – социальной, личностной и культурной. Системы имеют свою собственную идентичность, границы, механизмы поддержания собственного существования. Например, социальные системы состоят из интеракций, т.е. ориентаций действий и ожиданий одного деятеля на действия и ожидания другого. Выделив самостоятельные системы действия, Парсонс стал исследовать их связи и взаимоотношения друг с другом. Проблему социального порядка пришлось переформулировать. Она стала звучать так: как может образовываться порядок в социальных интеракциях и во взаимоотношениях между различными социальными системами²⁴. В результате дальнейших исследований была введена четырехфункциональная парадигма действия и разработана теория символически обобщенных средств коммуникации, которые проясняли ответ на вновь сформулированную проблему социального порядка²⁵. Действие в новой теоретической конструкции имеет два направления – вовне и вовнутрь. К внешней ориентации относится выполнение функций

²² Р. Мюнх резюмирует основные признаки волонтаристского порядка Парсонса. К ним относятся: изменчивость действий, предполагающая расчет оптимального результата в условиях обмена и соперничества; устремленность действия, предполагающая расчет максимального результата в условиях господства и конфликта; идентичность действия, предполагающая отнесение действия к общезначимым идеям; регулярность действия, предполагающая причисление действия к само собой разумеющимся нормам. Теоретическое решение проблемы порядка состоит в следующем: предсказуемость и регулярность действий обеспечиваются совместно разделяемыми нормами; идентичность действия в меняющихся обстоятельствах гарантирует его дискурсивное оправдание на базе общезначимых идей; изменчивость действий ввиду меняющихся условий и средств обеспечивает хозяйственный расчет; необходимость достижения целей гарантирует вышестоящий авторитет, располагающий властью применять карательные санкции (см.: *Münch R. Soziologische Theorie. Band 3: Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2004. S. 160-162*).

²³ См.: *Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill.: Free Press, 1951; Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951.*

²⁴ *Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill.: Free Press, 1951. P. 24.*

²⁵ Четырехфункциональная парадигма действия вводится в работе *Parsons T., Bales R., Shils E. Working Papers in the Theory of Action. Glencoe, Ill.: Free Press, 1953.* Теория символически обобщенных средств коммуникации появляется в работе *Parsons T., Smelser N. Economy and Society. New York: Free Press, 1956.*

целестроения и приспособления, к внутренней – интеграция и поддержание скрытого образца. Парсонс приходит к выводу, что функцию целестроения в обществе выполняет политическая система, функцию приспособления – экономическая система, функцию интеграции – социальные общности, функцию скрытого поддержания образца – социокультурная система²⁶. В чем особенность каждой системы? Каким образом они взаимодействуют? Проанализировав отношения внутри экономической системы и её отношение к обществу в целом, Парсонс пришел к концепции символически обобщенных средств коммуникации (*media of interchange*). Такими средствами являются деньги в экономической системе, власть в политической системе, влияние в социальных общностях, ценностные приверженности в социокультурной системе. У этих средств есть общее свойство – они меняют внешние или внутренние обстоятельства действия, но разными способами. Деньги и власть изменяют внешнюю ситуацию действия: деньги при помощи позитивного стимула для обмена, власть – путем угрозы применения карающих санкций. Влияние и ценностные приверженности трансформируют намерения деятеля: влияние посредством убеждения, ценностные приверженности на основе активизации обязательств. Детальный анализ использования денег в экономической системе позволил Парсонсу сформулировать свойства денег как символически обобщенного средства²⁷. Остановимся на результатах этого анализа подробнее²⁸.

1. Деньги имеют символический характер, символизируют все товары и услуги, которые могут приобретаться с их помощью.

2. Деньги являются обобщенным средством, их использование не зависит от специальных условий, времени, места или участвующих в обмене личностей.

3. Использование денег регулируется специальными нормами. Пока эти нормы сохраняют свою значимость, деньги оказываются легитимным средством оплаты товаров и услуг.

4. Деньги свободно циркулируют между различными участниками экономического обмена, они могут выходить за границы экономической системы, если тратятся из социокультурных соображений или идут на поддержку некоммерческих коллективных целей.

5. Деньги как символически обобщенное средство подвержены кризисным процессам инфляции и дефляции. Инфляция обесценивает покупательную способность денег. Дефляция повышает их ценность, однако выводит из оборота, в результате чего покупатели испытывают нехватку денег для оплаты товаров и услуг.

6. Количество денег может умножаться в экономической системе и сопровождаться соответствующим ростом производства. В итоге потребители и производители выигрывают от увеличения товаров и услуг, которые можно приобрести за деньги. Тем самым в экономической системе преодолеваются отношения нулевой суммы, когда выигрыш одной стороны обязательно несет потери для другой.

7. Ценностным принципом измерения денег служит полезность: они выполняют свою функцию лишь постольку, поскольку на них приобретаются товары и на их основе оказываются услуги. В этой связи особое значение приобретает платежеспособность, означающая возможность расплачиваться по долгам.

Эти выводы о свойствах денег как символически обобщенных средств коммуникации дали Парсонсу основание провести аналогичный анализ политической системы и взглянуть

²⁶ Каждая из этих четырех систем характеризуется специфическими интеракциями, которые управляются различными кодами. В экономической системе это ориентация на оптимальное достижение целей путем обмена товаров и услуг, в политической системе – максимальное достижение целей в условиях конфликта, в системе социальной общности – ориентация на совместно разделяемые нормы, в социокультурной системе – ориентация на общезначимые идеи.

²⁷ См.: *Parsons T., Smelser N. Economy and Society*. New York: Free Press, 1956.

²⁸ Обобщающие характеристики денег как символически обобщенного средства коммуникации дается в изложении Р. Мюнха (см.: *Münch R. Soziologische Theorie*. Band 3: Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2004. S. 79-81).

на власть в схожем ракурсе. «Я рассматриваю власть как такое обобщенное средство (*generalized medium*) в смысле прямо параллельном логической структуре, хотя весьма различным по существу, денег как обобщенного средства экономического процесса»²⁹. Если функция экономической системы состоит в мобилизации ресурсов для приспособления общества к меняющимся условиям окружающего мира, то функция политической системы по отношению к обществу состоит в целедостижении при условии, что конфликты регулируются путем коллективных решений. Если деньги как символически обобщенное средство способствуют экономическим процессам, то принятие обязательных коллективных решений облегчается политической властью, также обладающей символически обобщенными свойствами. Разберем подробно эти свойства политической власти, приведенные Парсонсом в статье «О понятии политической власти», включенной впоследствии в книгу «Политика и социальная структура»³⁰.

1. Как и деньги, политическая власть имеет символический характер. Согласно Парсонсу, она символизирует два обстоятельства: все специальные решения, которые могут быть приняты как коллективно обязательные, и все соответствующие цели, которые могут преследоваться и стать коллективно обязательными.

2. Политическая власть является обобщенным средством. Как и деньги, она может применяться в любой ситуации, независимо от времени, места и личностей.

3. Приобретение и употребление политической власти регулируется нормами, обеспечивается консенсусом социальных общностей и рационально обосновывается.

4. Политическая власть циркулирует в границах политической системы. Примером циркуляции являются демократические выборы: политическая власть передается путем голосования выбранным представителям, в руках которых она концентрируется. Политическая власть может выходить за границы специфических интеракций в политической системе. Это случаи содействия экономическим решениям, законодательное определение отношений в образовании, культуре и т.д.

5. Как и деньги, политическая власть подвержена кризисным процессам инфляции и дефляции. Инфляция размывает способность власти принимать и проводить политические решения, в результате чего возникает своеобразный вакуум власти. Дефляция сужает сферу обращения политической власти, что ведет к острой нехватке власти.

6. Объем политической власти, как и денег в хозяйстве, может увеличиваться на пользу всех участников социальной системы. Политические партии могут выступать в качестве банков, привлекая поддержку общества и направляя её на поддержку политических программ и решений. В результате в системе обращается больше политической власти, преодолеваются отношения нулевой суммы.

7. Ценностный принцип для измерения политической власти выражается в её эффективности по проведению коллективно обязательных решений. Стандартом координации политических действий является изначальное согласие с коллективно обязательными решениями.

Таким образом, мы приходим к следующему пониманию власти у Парсонса. «Власть, – пишет он, – это обобщенная способность гарантировать исполнение непреложных обязательств единицами системы коллективной организации, если обязательства легитимированы тем, что они имеют отношение к коллективным целям, а в случае непокорства предполагается принуждение посредством негативных ситуационных санкций – какова бы ни была в действительности эта деятельность по принуждению»³¹. Власть как символически обобщенное средство исключает из сферы своего понятийного определения силу, принуждение, манипуляцию и другие «голые» формы воздействия на подвластных. К

²⁹ *Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceedings of the Philosophical Society, Vol. 107, No. 3. (Jun. 19, 1963). P. 234.*

³⁰ См.: *Parsons T. Politics and Social Structure. New York: Free Press, 1969.*

³¹ *Ibid. P. 51. (Перевод А. Филиппова. – В.П.).*

этим средствам, как видно из определения, власть может обратиться для восстановления *status quo*.

Критики концепции власти Парсонса (прежде всего Э. Гидденс, С. Льюкс), на наш взгляд, не совсем правомерно ставят ему в упрек неспособность объяснить традиционные явления политической борьбы (преодоление открытой оппозиции, сопротивления или отстаивание в политических процессах узкогрупповых интересов путем манипуляции), находящиеся в центре внимания большинства исследователей³². Работая над концепцией символически обобщенных средств коммуникации, Парсонс нашел многообещающую объяснительную модель, описывающую базовую проблематику власти. Речь идет об использовании им понятий инфляции и дефляции³³. Применение этих понятий предполагает неперенные отсылки к обществу. Кризис власти концептуализируется как своеобразный кризис функции политической системы по отношению к обществу в целом. Парсонс приводит пример дефляции власти в США в 1950-х годах во время мощной кампании сенатора Джозефа Маккарти против многих видных американских деятелей и организаций, якобы подрывавших единство американской нации. Плюралистическая политическая система США, подчеркивает он, основывается на неявных требованиях лояльности своему правительству, которые, как это повсеместно ожидается, активизируются только в крайних случаях. Жесткое требование лояльности национальному правительству сенатора Маккарти в ситуации, когда его притязания были неочевидными по смыслу для большинства американцев, привело к серьезному замешательству среди населения. Маккарти требовал несомненного приоритета политической лояльности над остальными ценностями, традиционно укорененными в американском плюралистическом обществе. «На самом деле, – отмечает Парсонс, – это было требование ликвидировать все другие обязательства в пользу национальных, требование, которое по своей природе не могло быть удовлетворено без разрушительных последствий во многих других направлениях. Оно проявляло тенденцию “подвергнуть дефляции” систему власти путём подрыва основополагающего базиса доверия, на котором по необходимости покоилось влияние множества элементов, несущих формальную и неформальную лидерскую ответственность, и которая в свою очередь поддерживала “кредит власти”»³⁴. Выпады Маккарти в плане политической борьбы были направлены против Демократической партии, государственная лояльность которой была поставлена им под сомнение. Разразился серьезный политический кризис, выразившийся в ускоренном закручивании дефляционной спирали. Выходом из кризиса стало восстановление доверия ко всему, на что была брошена тень подозрения сенатором Маккарти. Парсонс объясняет: «Фокусом вмешательства Маккарти ... оказалась система влияния, отношение между интегративными функциями и функциями поддержания образца в обществе. ...В первую очередь это приняло форму резкого отвода политической поддержки...от лидерских элементов, которые в любом смысле могли быть заподозрены в “нелояльности”»³⁵.

Теперь зафиксируем основные моменты. Что удалось Парсонсу? Прежде всего понятие власти получило четкость и специфичность в отличие от традиционных концепций, безнадежно увязших в исчислении различных форм и аспектов властных отношений. Оно оказалось вписанным в теорию общества, стал очевидным особый вклад такого понимания власти в проблему поддержания социального порядка. Значительная заслуга Парсонса состоит в разработке теории кризисов политической власти, которую он связывал с процессами её инфляции и дефляции. Теория кризисов получила дальнейшее развитие и

³² См.: Giddens A. «Power» in the recent writings of Talcott Parsons // Power: Critical Concepts / Ed. by J. Scott. Vol. 1. London: Routledge, 1994. P. 79; Lukes S. Power: A Radical View. Basington and London: Macmillan, 1974.

³³ Преодоление политической оппозиции, сопротивления различных групп, использование манипуляции в политических процессах уже является свидетельством кризиса политической власти.

³⁴ Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceedings of the Philosophical Society, Vol. 107, No. 3. (Jun. 19, 1963), P. 256.

³⁵ Ibid. P.257.

тестирование на эмпирическом уровне. Отметим прежде всего теоретические и эмпирические исследования Мюнха³⁶.

Концепция Парсонса стала во многом отправным пунктом для теоретических построений Лумана, который предложил альтернативное видение власти. В разработке своей теории власти он проделал то, что ему всегда хорошо удавалось: переосмысление уже известных понятий, включение в теорию новых понятий из различных сфер научного знания³⁷. Не имея возможности сейчас подробно изложить основные положения его системной теории и вникнуть во все детали, остановимся на самых важных моментах, ведущих нас к пониманию его концепции власти. Как и Парсонс, Луман также подвергает острой критике традиционные концепции, считая их непригодными для социологического анализа из-за неудовлетворительной трактовки каузальных отношений³⁸. В отличие от Парсонса, Луман отталкивается от коммуникации, а не действия как базового элемента социальной системы³⁹. Раз так, то принципиальным оказывается вопрос, как возможна коммуникация? Здесь выясняется, что коммуникация по своей сути – маловероятное событие: она скорее не состоится, чем состоится, так как нет полной гарантии, что она достигает адресата, что он обратит на нее свое внимание, поймет сообщение и рассмотрит его в качестве условия дальнейшей коммуникации⁴⁰. Что же тогда делает коммуникацию успешной? Луман отвечает – специальные устройства, получившие свою форму в процессе общественной эволюции и системного деления, которые он вслед за Парсонсом называет символически обобщенными средствами коммуникации. Только у Лумана теория символически обобщенных средств коммуникации выглядит совершенной иной. Парсонс концентрирует внимание на их функции обмена между подсистемами социальной системы, Луман говорит об их функции достижения успеха, т.е. об управлении мотивами принятия смысла коммуникации в качестве условия дальнейших коммуникаций. Политическая власть и есть такое символически обобщенное средство, которое координирует действия в интеракциях⁴¹.

Как достижение успеха, т.е. подчинение, становится возможным в случае власти? Луман отмечает, что следствиями системного деления в обществе являются закрытие операций системы от окружающего мира, сокращение внешних связей с ним и образование специфических структурных сопряжений (*strukturelle Kopplungen*), служащих опосредующим звеном. В результате растет внутренняя структурная неопределенность из-за избытка возможностей для операций системы. В случае власти неопределенность принимает форму неизвестности о решениях властвующих. Даже если, говорит Луман, заранее гарантировано подчинение, конкретные решения, которые будут приняты в системе, всё равно остаются неопределенными⁴². Проблематику структурной неопределенности решений в социальной системе он предлагает осмыслить при помощи понятия среды (*Der Begriff des*

³⁶ См.: *Münch R.* Legitimität und politische Macht. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. S. 135-149; *Münch R.* Dynamik der Kommunikationsgesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 159-177; *Regulative Demokratie. Politik der Luftreinhaltung in Großbritannien, Frankreich, Deutschland und den USA.* Hg. bei Münch R. und Lahusen C. Frankfurt am Main, New York: Campus, 2000.

³⁷ Системная теория Лумана в основных положениях принципиально отличается от структурного функционализма Парсонса. Система у Парсонса – это прежде всего аналитическая конструкция. Для Лумана же системы существуют объективно в реальности.

³⁸ Положения критики каузальных концепций власти см.: *Luhmann N.* Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 21-26.

³⁹ В свою очередь, коммуникация состоит из синтеза трех видов отбора: выбора информации, выбора сообщения и понимания как различия между информацией и сообщением.

⁴⁰ *Luhmann N.* Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. S. 217.

⁴¹ У Лумана символически обобщенные средства коммуникации различаются на основе типологизации выборов *Alter* и *Ego*, которые в различных ситуациях приписываются в качестве действия или в качестве переживания. Подробнее см.: *Луман Н.* Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. С. 173.

⁴² *Luhmann N.* Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 19.

Mediums)⁴³. Это понятие предполагает различие средового субстрата и форм, единство различия которых и составляет среду. В определении этого понятия сходятся два момента: представление о множестве элементов и функция опосредования⁴⁴. Но речь не идет о простом количестве и посредничестве. Так или иначе, предполагается определенный контроль. Элементы среды могут избирательно и на ограниченное время тесно соединяться между собой, образуя различные формы. Отсюда форма определяется как прочное сцепление (*feste Korplung*) в отличие от средового субстрата, предполагающего непрочные сцепления элементов. Что это дает для понимания власти? Власть как символически обобщенное средство, замечает Луман, может применяться только тогда, когда её возможности соединяются в форме прочного сцепления элементов, т.е. определенные указания отдаются на основе власти. Это аналог тому, как на основе денег производятся платежи, на основе языка высказываются определенные предложения. В то же время никуда не девается другая сторона различия – средовой субстрат как множество непрочно связанных элементов, иначе бы для властных указаний исчезли возможности свободного выбора элементов, спецификации новых комбинаций. Только средовой субстрат при применении власти уходит на задний план, остается невидимым. Поэтому власть, утверждает Луман, должна постоянно проявляться в формах, быть на виду. В ином случае никто не будет в неё верить, предвосхищать её в своих ожиданиях⁴⁵. Отсюда нет смысла говорить о различии между обладанием и применением власти. Поскольку власть постоянно должна показывать себя, она может выражаться более символическим или инструментальным путем. Чисто символическое выражение власти несет в себе соблазн проверить, действительно ли речь идет о власти или это, образно выражаясь, надувание щёк. Чисто же инструментальное выражение власти ставит вопрос о легитимности властвующих. Как указывает Луман, различие символический / инструментальный открывает широкое поле для политического лавирования.

И всё же, как решается проблема достижения послушания, выполнения властных распоряжений в условиях отсутствия или негарантированности консенсуса? Луман отвечает на этот вопрос, исследуя свойства власти как символически обобщенного средства коммуникации. Прежде всего понятие власти он относит к ситуации, когда одно действие влияет на другое. Речь не идет о регулировании переживаний, как в случаях денег, научной истины или любовных отношений. В коммуникативном плане речь идет о решениях властвующих в форме указаний, распоряжений и др., о решениях подвластных поступать определенным образом. Положительный результат, т.е. подчинение, обеспечивается тем, что власть как символически обобщенное средство коммуникации опирается на возможность применения негативных санкций, в конечном счете – физической силы. Эти санкции коммуницируются через угрозу их применения или же предвосхищаются, и тогда их выражение уже не требуется, они предполагаются по смыслу. Применение этих санкций на деле будет означать ослабление власти, в отдельных случаях сведение её к нулю как символического средства координации действий. Поэтому власть эффективно функционирует только тогда, когда участники властных отношений с обеих сторон стремятся избежать негативного сценария: властвующие не прибегают к озвучиванию угроз и применению негативных санкций, а подвластные избегают неподчинения. Для среды власти, как замечает Луман, характерно постоянное «присутствие исключенного»⁴⁶.

В итоге мы видим у Лумана следующие функции и структуру власти как символически обобщенного средства коммуникации в современном обществе⁴⁷.

⁴³ Введение этого понятия детально обосновывается в книге: Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. С. 7-22.

⁴⁴ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 29-30.

⁴⁵ Ibid. S. 32.

⁴⁶ Ibid. S. 47.

⁴⁷ Ibid. S. 59-65.

1. Власть возникает в условиях двойной контингенции действия, обеспечивает успех координации действий.

2. Вероятность подчинения обеспечивается тем, что среда власти ограничивается государственными должностями.

3. В этой среде формируется код предпочтения: подчиниться лучше, чем не подчиниться.

4. Власть обладает системообразующими способностями, структурирующими внутренние отношения в границах политической системы. Речь идет о построении структурированной комплексности, в современных условиях – о делегировании власти на нижестоящие уровни.

5. Власть на уровне отнесения к телесному сосуществованию людей связана с контролем физического насилия (симбиотический механизм) как, например, деньги – с потребностями, любовь – с сексуальностью, истина – с восприятием.

6. Власть подвергается процессам инфляции и дефляции. Луман пишет: «Для Парсонса эта проблема связана с обеспечением символически обобщенных средств посредством “real assets” (в нашем случае симбиотическими механизмами), которые могут задействоваться либо слишком сильно (инфляция), либо слишком слабо (дефляция). Однако в рамках теории коммуникации можно было бы ещё сильнее, даже исключительно ориентироваться на обеспечение невероятного принятия (смысла коммуникации – *В.П.*), способного к дальнейшему присоединению. Инфляция тогда бы означала: слишком много доверия готовности к принятию, а дефляция: слишком мало. ...В обоих случаях речь идет об аспектах символического обобщения среды (в отличие от осуществления или неосуществления в единичном случае), стало быть, об аспектах самой среды, а не об единичных формах, воспроизводящих её в тех или иных обстоятельствах. Риск “слишком сильного” или “слишком слабого” заключен поэтому в самой символизации; будет ли иметь место один или другой случай или оба одновременно (смотря по тематическому полю коммуникации), может устанавливаться только в дальнейшем ходе коммуникации»⁴⁸.

7. Среде власти присуща рефлексивность: в иерархиях власть может применяться к нижестоящим властям (для сравнения в науке можно проводить исследования о других исследованиях, в хозяйстве финансировать потребность в деньгах, выдавать кредиты и т.п.).

Невыясненным остается вопрос, как соотносятся операции власти как символически обобщенного средства коммуникации и структуры в политической системе, которые и выделяются в процессе общественной эволюции на основе этих операций? Как обеспечивается непрерывность операций власти, позволяющая, например, в любой момент идентифицировать властвующего как именно его и никого прочего или считать должность той же самой, а не иной? Другими словами, это вопрос об инвариантах действия. Луман говорит, что подобные инварианты образуются как побочный продукт текущих операций, т.е., самого применения власти. В результате можно идентифицировать личность властвующего или его уполномоченного, роли или позиции, которые остаются теми же, даже если их исполняют или занимают другие. Эти идентичности в дальнейшем можно принимать за своеобразные источники власти. Механизмом же образования этих идентичностей является то, что в текущих операциях власти происходит сгущение идентичности и последующее её подтверждение для совершенно других ситуаций. На этом основании могут фиксироваться ожидания, а это уже приводит к образованию структур. Именно это обстоятельство теряют из вида исследователи, которые пытаются анализировать единичные акты власти в заданных ситуациях. Луман пишет: «Любое образование структур в среде власти (как и в других повторяющихся рядах) несёт в себе неопределимый, мистический момент. Он содержит незримое указание на единство среды, на единство прочного и непрочного сцепления и тем самым сохраняет остаточную неопределенность, действительно

⁴⁸ Ibid. S. 64.

ли удерживается власть, действительно ли она есть то, чем кажется, или же имеет место чрезмерная символизация, которая может внезапно рассеяться»⁴⁹.

Таким образом, Луман предлагает системно-операционный анализ власти, основанный на понимании социального порядка как решения проблемы двойной контингенции. Проблематика власти раскрывается у него через выявление специфики политических коммуникаций, обеспечивающих проведение в обществе коллективно обязательных решений. Власть у Лумана, в конечном счете, оказывается политической, так как только в этом случае есть легитимная возможность угрожать применением физического насилия для осуществления принятых решений. Эту специфику составляют особая функция и кодирование политических коммуникаций.

Какие вопросы оказались недостаточно освещенными как у Парсонса, так и у Лумана? Прежде всего концептуализация кризисных процессов власти нуждается в детальной проработке. Так или иначе требуется также проверка модели на эмпирическом уровне. Эту программу, на наш взгляд, успешно осуществляет немецкий социолог Рихард Мюнх. Прежде чем рассмотреть его вклад в освещение этой проблематики, уделим внимание положениям его теории волюнтаристского действия, которую он именует неофункционалистским подходом.

Неофункционализм, с точки зрения Мюнха, – это социологическая парадигма, которая примыкает к аналитическому функционализму Парсонса и в то же время пытается преодолеть его ограничения путем переосмысления положений теории действия и включения элементов других теоретических концепций, усиливающих парадигму в целом. Неофункционализм стремится дать ответы на два базовых вопроса: на метатеоретическом уровне «Как возможна теория действия, соединяющая друг с другом теоретическую абстракцию и историко-эмпирическую специфику, каузальное объяснение и герменевтическое понимание» и на уровне объекта теории «Как возможно человеческое действие, связывающее друг с другом приверженность к порядку (*Geordnetheit*) и индивидуальную автономию»⁵⁰. Мюнха не устраивают теоретические решения проблемы социального порядка Парсонса и Лумана. Парсонс, говорит он, склоняется к нормативному решению этой проблемы в смысле конформизма определенным нормам и недостаточно учитывает приверженность порядку на основе рационального дискурса. Луман же и вовсе «отказывается объяснять порядок и вместо этого сосредотачивается на его противоположности, беспорядке, который воплощает собой существо постоянных колебаний успешных и неуспешных связей между коммуникациями»⁵¹. Понятийный аппарат Лумана, считает Мюнх, оказывается недостаточным для объяснения непрерывности и предсказуемости действий. Что предлагает взамен Мюнх? «Исчерпывающее понимание проблемы порядка в социальном действии, – пишет он, – должно намного прочнее удерживать напряжение между случайными, вынужденными, конформистскими и идеальными формами порядка в общей теории волюнтаристского порядка, чем это делал Парсонс. Это означает включение в объяснение производства порядка рыночного обмена, конфликта и дискурса»⁵². Речь идет об интегрирующем подходе, который даёт преимущество в объясняющей способности над отдельно взятыми теориями утилитаризма, власти, конфликта, нормативизма и дискурса. Объектом теории в этом случае служит

⁴⁹ Ibid. S. 67.

⁵⁰ *Münch R. Theorie des Handelns. Zur Rekonstruktion der Beiträge von Talcott Parsons, Emile Durkheim und Max Weber. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 12.* На метатеоретическом уровне интегральное решение Мюнха состоит в разработке обобщённой, пропозициональной системы отсылочных понятий (*Bezugsrahmen*), которая может применяться к любым предметам и быть достаточной для эмпирических обобщений. Для этого, как утверждает Мюнх, на практике требуется конструкция средних уровней аналитической абстракции, формирование моделей для особых аспектов действия. Эти модели не являются чистой дедукцией из корпуса общих понятий (идеализм) и не сводятся к позитивизму, поскольку основываются на концепции человеческого действия как осмысленного и подлежащего пониманию поведения.

⁵¹ *Münch R. Soziologische Theorie. Band 3: Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2004. S. 223.*

⁵² Ibid. S. 172.

динамическая модель социального действия, балансирующая между четырьмя полюсами. В разных ситуациях и в разное время действие смещает свои смысловые аспекты в сторону утилитаристских, властных и конфликтных отношений, т.е. в поле открытости и адаптивности, или же в сторону нормативизма и рациональных обоснований, т.е. в поле упорядоченности, закрытости и конформизма. Двумя другими полюсами действия являются ориентация на достижение обобщенного результата, т.е. на сохранение идентичности в любой ситуации и ориентация на достижение специфического результата, т.е. на достижение цели вне зависимости от ситуаций. Проблема порядка в обществе в данном случае решается на уровне зон взаимопроникновения этих полюсов действия.

Проиллюстрируем проблематику власти в обществе в свете неофункционалистского подхода. «Политика, – замечает Мюнх, – является сегодня составной частью повышенного динамизма общественных процессов, который находит своё выражение в быстрой смене ситуаций, в неопределенности, непредсказуемости и противоречивости как самих действий и событий, так и их последствий»⁵³. При этом политические события происходят в общественном контексте, который включает в себя значительно больше, чем просто мобилизацию и применение власти. Отсюда понятие происходящее в политике можно в том случае, если анализ выйдет за границы внутренних политических структур и будет учитывать состояние культуры и общества в целом. Это значит, что надо рассматривать политический процесс главным образом как проблему урегулирования общественных конфликтов в зоне взаимопроникновения политики и общества. Программными тогда окажутся следующие вопросы: как могут артикулироваться и урегулироваться конфликты; каким образом в урегулирование конфликтов могут включаться новые ценности, политические цели и интересы; как в политический процесс могут включаться новые субъекты. Формирование политики в этом ракурсе следует рассматривать не просто как проблему эффективного управления, а как проблему социального изменения и социальной интеграции. На эмпирическом уровне внимание будет концентрироваться на способности общества к урегулированию конфликтов путем обновления, включения новых социальных движений и образования консенсуса. Объектами анализа станут сети политических деятелей, эксперты, влияющие на определение ситуаций и предлагающие решения проблем, институциональные правила политического процесса, культурные представления о легитимации решений. В результате получается следующая концептуальная модель политической практики.

Существо политической власти, говорит Мюнх, состоит в доступе к монополии легитимного применения насилия⁵⁴. Минимальная единица измерения политической власти в демократических обществах – это голос избирателя. Голоса на выборах передаются депутатам, которые голосуют за различные законопроекты. Проведение решений в жизнь требует не только наличия политической власти, но и привлечения общественных ресурсов поддержки. Эти ресурсы – солидарность с решениями, уважение, признание и др. – Мюнх называет влиянием. Однако у политических решений есть и предметное измерение: они должны быть адекватными обстоятельствам. Адекватность решений могут установить заранее только эксперты. Поэтому требуется поддержка экспертного сообщества, выносящего по проектам решений положительную или отрицательную оценку. В свою очередь, оценки экспертов опираются на представления общества об истине, которые зависят от культуры. Будут ли решения считаться легитимными или нет, определяется базовыми ценностями и нормами, составляющими в данный момент содержание культуры. Реализация решений, особенно масштабных политических программ, требует финансовых затрат. Финансовая поддержка зависит от общего благосостояния общества. В результате образуется тесное переплетение политики, хозяйства, социальных общностей и культуры в общем пространстве социального действия. Поэтому процессы производства политических решений подвергаются сильной динамике, источники которой находятся часто вовне

⁵³ *Münch R.* Dynamik der Kommunikationsgesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 159.

⁵⁴ *Münch R.* Soziologische Theorie. Band 3: Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2004. S. 135.

политики. Из-за этого политические процессы постоянно пребывают в различных динамических фазах: им свойственны подъемы, спады, стагнации, а также инфляция или дефляция политической власти как символически обобщённого средства коммуникации. Мюнх пишет: «Ценность политической власти измеряется широтой и глубиной, в которых политические программы могут реализовываться в обществе, ценность влияния – широтой и глубиной, в которых политические программы могут получить в обществе поддержку, и поэтому можно рассчитывать на кооперацию, ценность истины – широтой и глубиной, в которых политические программы в обществе могут получить согласие по существу»⁵⁵. Инфляция означает снижение, а дефляция – возрастание этой ценности⁵⁶. Инфляция политической власти влечет за собой необходимость прибегать к негативным санкциям для проведения типовых решений в жизнь. Как правило, инфляции политической власти сопутствуют инфляция влияния, выражающаяся в том, что обеспечение общественной поддержки решений становится всё труднее, а также инфляция истины, ведущая к существенным затруднениям в нахождении согласия экспертов. Обратная динамика – дефляция – приводит к возрастанию ценности политической власти, но за счет её убывания в системе. Недостаток власти, влияния, приверженности к ценности истины или даже денег сжимает пространство политических процессов и управляемости общества. Инфляция власти поглощает всё больше ресурсов общества и ведет к развалу. Дефляция власти влечет за собой утрату политического управления. Опасность кризисных явлений инфляции и дефляции власти, говорит Мюнх, состоит в их способности приводить общество к спиралевидным обострениям. Чем в большем объёме приходится прибегать к негативным санкциям, тем сильнее в них ощущается потребность. В свою очередь, чем меньше применяются негативные санкции, тем в большей степени сокращается их общественный вес.

Эта аналитическая модель координации действий нашла свое подтверждение в серии сравнительных исследований политической практики в ряде европейских стран и США⁵⁷. Мюнх выделяет четыре типа политической практики, которые формируют политические процессы в тех странах, где проводились исследования. К этим типам относятся компромисс, конфликт, синтез и конкуренция. Компромиссная модель политической практики характерна для Великобритании с её древними традициями улаживания противоречий между обладателями прав на различные виды собственности. В сетях взаимодействия политических деятелей преобладает язык общественного влияния, рассчитанный на мобилизацию поддержки узких групп интересов, а не апеллирующий к обществу в целом. Из-за ограниченного характера такой общественной поддержки политические компромиссы в Великобритании постоянно приводят к затяжным дефляциям, размывающим почву для долгосрочного доверия к деятелям публичной политики. Только правительственному кабинету Маргарет Тэтчер, утверждает Мюнх, за последние полвека удалось на определенное время прервать эту тенденцию.

Конфликтная модель координации действий в сетях политического взаимодействия, согласно данным вышеупомянутых сравнительных исследований, характерна для Франции. Различные французские объединения и союзы пытаются завладеть властными ресурсами государства, стараясь обеспечить своим представителям получение ключевых государственных должностей. Это, как правило, ведет к тому, что политические программы, которые пытаются протолкнуть победившие стороны, находят слабую поддержку в обществе, а часто и вовсе встречают сопротивление. В той мере, в которой государство вопреки противодействию пытается осуществить программы в корпоративных интересах, французская модель политической практики тяготеет к инфляции власти. По мере

⁵⁵ Ibid. S. 137.

⁵⁶ Подробнее о механизмах инфляции и дефляции власти см.: *Münch R. Legitimität und politische Macht*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. S. 135–149.

⁵⁷ См.: *Regulative Demokratie. Politik der Luftreinhaltung in Großbritannien, Frankreich, Deutschland und den USA*. Hg. bei Münch R. und Lahusen C. Frankfurt am Main, New York: Campus, 2000.

расходования кредита власти политические деятели теряют остатки общественной поддержки и вынуждены отказаться от достижения заявленных целей. В результате инфляционные тенденции власти трансформируются в дефляционную спираль.

Модель синтеза Мюнх обнаруживает в политической практике современной Германии. Речь идет о преодолении партикуляризма различных политических перспектив и интересов путем дискурсивного формулирования общезначимых синтезов, которые обуславливают согласие по существу предлагаемых политических решений различных общественных проблем. Однако эта модель приводит к чрезмерному политическому консерватизму, блокирующему учет новых, разносторонних интересов. Возникают частые разочарования, выражения недоверия, наносящие ущерб ценности политической власти в обществе. Поэтому в политической практике Германии то и дело закручиваются инфляционные и дефляционные спирали. Только эйфория объединения Германии, считает Мюнх, на время прервала эти кризисные явления.

Конкурентная модель политической практики, отмечает немецкий социолог, характерна для США. Политические игроки здесь постоянно находятся в переговорном процессе, пытаясь максимизировать свои выгоды. Как правило, в итоге принимаются решения, которые идут на обоюдную или всеобщую пользу. В интерактивных сетях преобладают законы рыночного успеха, особое значение придается языку денежного обмена. Из-за необходимости учета интересов многочисленных малых групп, которые политические деятели рассматривают как важные единицы поддержки и влияния, политические интеракции оказываются чрезмерно затратными и перегруженными разнообразными побочными инициативами, постоянно провоцирующими контрвыпады. В политический процесс встраивается множество больших и малых актов оказания различного рода влияния, имеющих сомнительный успех даже в ближайшей перспективе. Отсюда возникают инфляционные тенденции, поскольку политическим деятелям приходится безустанно заботиться о поддержании многочисленных связей, чтобы каким-то образом добиться ощутимой поддержки и влияния. Чрезмерная перегрузка интерактивных сетей в отдельных случаях приводит к дефляционным тенденциям, выветривающим из политического процесса доверие к политическим игрокам. Мюнх подчеркивает, что инфляционные тенденции в США распространяются также на правоприменительную практику. Применение законов встречает множество правовых споров, чрезмерно отягощающих судебную систему и экспертное сообщество. Однако хронические инфляционные тенденции не перерастают в инфляционные или дефляционные спирали, грозящие социально-политической дезинтеграцией, так как политические процессы в США полицентричны, а это обстоятельство препятствует концентрации разочарований и упреков в одном месте.

Подведем итог. Проблематика власти в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха трактуется в контексте соответствующей теории общества и социального порядка. Это обстоятельство позволяет преодолевать партикуляризм «специализированных» теорий власти, сосредотачивая исследовательское внимание на индивидуальных или групповых контекстах властных отношений, в которых одни индивиды или группы властвуют над другими. Власть в системно-теоретическом подходе понимается как символически обобщенное средство коммуникации и рассматривается в аспекте отношений политики и общества. Политическое измерение придает власти возможность легитимного применения физического насилия как *ultima ratio*⁵⁸. Поэтому власть по преимуществу всегда политическая власть, составляет основу коммуникаций в политической системе общества, функция которой состоит в принятии и проведении общеобязательных решений. Основная проблематика политической власти заключается в негарантированности успешного исполнения этой функции: политические решения встречают оппозицию и отпор. Кризисные явления политической власти описываются терминами экономической теории *инфляцией* и *дефляцией*. Инфляция власти означает обесценивание обязательных решений в результате

⁵⁸ Решающий довод (лат.).

израсходования доверия к ним. Этому предшествует череда несоответствий результатов политической практики – политических решений – структуре общественных запросов, проистекающих из различных систем общества. Дефляция власти ведет к повышению её политической ценности вследствие недоиспользования возможностей принятия эффективных общеобязательных решений. Эта терминология системной теории позволяет глубже понять логику и динамику общественного развития. Исследовательская программа по изучению политической власти в системно-теоретическом подходе включает в себя анализ политической практики в широком контексте общества, включающем культурные представления о ценностях и нормах.